

— Спасибо, спасибо, Андрюша, спасибо, голубчик! — воскликнул Глинка, бросаясь к нему и протягивая обе руки. Они крепко обнялись, у обоих на глазах были слезы.

— А за это,— продолжал он: — а за это мы тебе вот с ним,— он указал на Серова,— сыграем только что переложенную мною на четыре руки: «Амазон польку»¹⁰.

Я так и оторопел. После этой чудной музыки слушать «Амазон польку», которая, родившись под смычками Лядова и Гунгля и пройдя через странствующие оркестры и трактирные органы, приютилась в шарманки (попросту, в простонародии называемые катеринки), уже служила потехою для посетителей какого-нибудь грязного Глазова кабака.

Но при первых аккордах я наострил уши; это переложение было так хорошо, что заставляло позабыть избитую тему; хотелось все слушать и слушать; и странное чувство пробегало в душе при звуках этого тривиального мотива, по которому прошла рука великого композитора; оно почти было равносильно тому, как если бы истертая и истрепанная уличная красавица вдруг заговорила могучим языком Байрона.

Вскоре Глинка уехал за границу, я очутился на юге России, и мы более в жизни не встречались.

*

В 1861 году, после шестимесячного пребывания в Берлине, в клинике Грефе, я жил некоторое время в меблированных комнатах, ежели не ошибаюсь, м-м Майер; она была очень добрая женщина и, видя меня истомленного, бледного и полуслепого, приходила почти каждый день справляться о моем здоровье, причем нещадно болтала. Один раз, выхваляя удобства своего заведения, она сказала, что у нее постоянно останавливалось много русских, которые все остались очень довольны, и назвала несколько известных имен; а здесь даже один и умер у меня ваш русский,— заключила она,— Глинка.

— Глинка, Михаил Иванович?! — забывшись, вскричал я по-русски.

— Ja, ja, Glinka, Michal Glinka *, — улыбаясь, ответила старуха.

Так, судьба еще раз в жизни привела меня быть в комнате, где жила и откуда улетела в вечность пламенная душа нашего гениального композитора.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Первые годы после свадьбы родители мои провели в Петербурге, и моя мать, умом и любезностью, привлекала в дом свой множество замечательных литераторов и художников. К числу первых принадлежал и поэт Мицкевич. Являлся он обыкновенно по вечерам, доставляя иногда хозяевам и гостям художественное наслаждение импровизациями, которые, однако, много теряли оттого, что Мицкевич передавал их на французском языке, не будучи в нем особенно силен; любимым же его занятием была игра в шахматы с моим отцом. Иногда же Мицкевич, играя в молчанку, был невыносим. Затем, из артистов, посещавших нашу гостиную, стоял на первом плане друг отца, Михаил Иванович Глинка, издавший, в сотрудничестве с ним, в 1829 году, «Лирический альбом». В альбоме, кроме сочинений издателей, помещены пьесы и романсы Но-

* Память Глинки Михаил Глинка (моя)

рова, Виельгорского, Штерича и других, а также замечательная песня «Вилия» из поэмы Мицкевича «Валленрод», в переводе на русский язык двоюродного брата моей матери — Шемиота, положенная на музыку госпожею М. Шимановской, замечательною пианисткою, которая давала в то время с большим успехом концерты в Петербурге. На дочери г-жи Шимановской и женился потом Мицкевич.

Михаил Иванович Глинка, являясь очень часто, разыгрывал с отцом дуэты: он на фортепиано, отец — на гитаре, а под веселую руку, оба они, не отличаясь, впрочем, голосами, задавали, после чая с ромом, вокальные концерты, в особенности, когда Михаил Иванович приводил с собою молодого певца Иванова, впоследствии сделавшегося первоклассным европейским тенором.

Родителей моих посещал очень часто и друг Александра Сергеевича, барон Антон Антонович Дельвиг с женой Софьей Михайловной, рожденной Салтыковой, отец мой, как я сказал выше, был его сотрудником; они сошлись характерами как нельзя более, и Антон Антонович сохранил до самой своей кончины неизменную, вполне сердечную привязанность к нему, и само собою разумеется, к сестре задушевного друга своего Пушкина.

Александр же Сергеевич бывал у сестры редко, будучи очень занят, а если заходил, то весьма не надолго, не так, как друзья его — П. А. Плетнев, В. А. Жуковский, С. А. Соболевский и Е. А. Баратынский [...]

Среди названных мною людей, — достойных всякого уважения, — моя мать и провела четыре года до отъезда своего в Варшаву, принимая друзей в скромной квартирке, которую отец нанял тотчас после свадьбы — в Казачьем переулке, близ Введенской церкви Семеновского полка [...]

Гораздо позднее, в 1849 году, появился в доме моих родителей творец опер «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», находившийся тогда уже на вершине музыкальной славы. Прожил Михаил Иванович Глинка в Варшаве года два¹; при нем состоял в качестве эконома испанец или португалец — дон Педро, обжора и Геркулес по части бутылочной. Откуда выкопал такого субъекта Михаил Иванович — неизвестно; знаю только, что в названном господине он души не чаял, и привез в Варшаву. Расскажу кстати о прогулке их, в самый день приезда, по главной улице города — «Новый Свет»:

Навстречу приедем попадается Паскевич в коляске, сопровождаемый конвоем линейных казаков. Было установлено правило снимать, — под страхом гауптвахты, — перед фельдмаршалом шапки, чего Глинка и дон Педро не могли еще знать. Наместник крикнул кучеру зычным голосом «стой», подозвал гуляющих, и накинулся на злополучного Педро:

— Знаешь кто я? Шапку долой!

Педро вытаращил глаза, ничего не понимая, а Глинка, спеша выручить приятеля, докладывает о фамилии спутника.

— А вы сами-то кто?

— Я — Глинка!

— Ах, боже мой, так это вы, Михаил Иванович? Вообразите, не узнал. Садитесь с этим шутком ко мне в коляску, и отобедайте у меня, покорно прошу.

Паскевич уважал талант покойного композитора и любил музыку (известно, что в предсмертных страданиях, происходивших от рака в желудке, заставлял он играть у себя в комнате военный оркестр, чтобы заглушить мучения). Глинка, после обеда, за которым Педро, по обычаю, объелся, предложил фельдмаршалу устроить музыкальные вечера; Паскевич принял предложение с радостью, и вскоре произведения Глин-

ки исполнялись под магической палочкой самого Михаила Ивановича², в Королевском замке и Бельведере, военным оркестром и хором превосходных певчих главной квартиры армии. Между тем, Глинка, не жалуя большого света, посещал только нас, когда не исправлял у фельдмаршала музыкальной обязанности, а еще более любил сживать дома, в халате, предаваясь лени и беседуя с друзьями, упомянутыми мною выше,— Корсаком и Дубровским³. Само собою разумеется, Педро вертелся тут же, воздавая честь музе Терпсихоре вообще, а Вакху в особенности.

Почти в одно время с Глинкою завернул в Варшаву, на обратном пути из-за границы, друг Александра и Льва Сергеевичей, С. А. Соболевский, и, застряв в этом городе более года, никуда не показывался, а ездил, так же, как и Глинка, единственно к моим родителям.

А. К. ПАПРИЦ

ВОСПОМИНАНИЯ О М. И. ГЛИНКЕ

Вопреки надписи на своем портрете, Михаил Иванович не уехал из Варшавы и долго еще проживал в самой Варшаве, или гостил у знакомого в подгородной даче. 1850 год застал его еще там, так как у А. К. Паприц, в числе подаренных им ей романсов, в период его варшавской жизни, есть один с его надписью и датой от января 1850 г.¹

По словам г-жи Паприц, портрет был очень похож на Глинку того времени, каким она его знала². Постоянно жалуясь на какие-нибудь болезни, Глинка имел обыкновенно усталое, болезненно кислое выражение,— *so ein verdrissliches Gesicht*,— как выразилась А. К., не находя по-русски отвечающей ее воспоминаниям характеристики его лица; только оживляясь в беседе и, особенно, когда за роялем им овладевало музыкальное одушевление,— кислое выражение пропадало и черты его совершенно преображались.

Отец Анны Константиновны Паприц имел служебное положение в Варшаве и дал своим дочерям хорошее музыкальное образование. Сама А. К. пела, а сестра ее хорошо играла на рояле. Гостеприимство и музыкальные таланты в семействе Вогак, очевидно, привлекали М. И. Глинку в его дом, к тому же квартира Глинки в Нецалой улице (*Ulica Niecala*) была в очень близком расстоянии от квартиры г. Вогак на Сенаторской улице, и он бывал у них частым гостем в течение своей варшавской жизни. Он любил заниматься музыкой с обеими сестрами и называл себя их *inspecteur de musique* *.

Несколько отрывочных воспоминаний о жизни, вкусах и излюбленных изречениях Глинки, сохраненных А. К. Паприц, имеют свою цену для почитателей этого гениального человека. Это изложение и сделано с ее слов и с ее разрешения.

Глинка постоянно был окружен в Варшаве кружком приятелей, большею частью молодых людей, хорошо образованных, одаренных выдающимися способностями в области какого-нибудь искусства. К числу его сподвижников принадлежал и г. Пальм, нарисовавший портрет. Кто-то из них описал разные приключения этой банды остроумных, беспечных и веселых поклонников Глинки в юмористической поэме под названием *Ulica Niecala*, список с которой был у А. К., но, к сожалению,

* инспектором музыки (франц.)